

Том Куинн
**НАСТОЯЩАЯ
ОХОТА**

ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ
СО ВСЕГО МИРА

Подарочные издания для охотников и рыболовов

Том Куинн

**Настоящая охота. Лучшие
рассказы со всего мира**

«ЭКСМО»

2010

УДК 639.1+639.2
ББК 47

Куинн Т.

Настоящая охота. Лучшие рассказы со всего мира /
Т. Куинн — «Эксмо», 2010 — (Подарочные издания для
охотников и рыболовов)

ISBN 978-5-699-87324-1

Это лучшие истории, легендарные, собранные автором пятнадцати мировых бестселлеров – Томом Куинном. Он смог выяснить подробности самых удивительных и поучительных походов людей за животными и рыбами и представить их перед вами в своих достоверных рассказах. С ним вы побываете в России, Африке, Индии и других странах, поднимете себе настроение и узнаете много нового.

УДК 639.1+639.2
ББК 47

ISBN 978-5-699-87324-1

© Куинн Т., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Предисловие	6
1	8
Охота со священником	9
С аэроплана – по гусям	10
С высоты деревьев	11
Пострадавшая супруга	12
Опасные опыты	13
Двое – это слишком	14
Жизнь в окопах	15
История могла бы сложиться иначе...	16
Помешанный на охоте	17
Безумный шляпник	19
Крестьянская доля	20
Пары ртути	21
Немного о кулинарии	22
Посиделки	23
Слишком громко	24
Держитесь подальше!	25
Защитные штаны	26
Воздушный шар	28
В одной сорочке	29
2	30
Долгая прогулка	31
Красный Кардиган	32
Рекорды	33
Редкая птица	34
Монетки в воздухе	36
Худший в мире стрелок	37
Тяжкая ноша	38
Коварные загонщики	39
Браконьерская смекалка	40
Фальсификатор	42
Высший класс	43
Цыплята	44
Кто лучше?	45
Скоростная стрельба	46
На оленя	47
Чайные егерю	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Том Куинн

Настоящая охота. Лучшие рассказы со всего мира

© First published by Quiller Publishing Ltd in the English language as The World's Greatest Shooting Stories

© Tom Quinn, 2010

© Мясликов Д., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Предисловие

Охота, будь то из спортивного интереса или же пропитания ради, славится своей продолжительной и событийной историей. В давние времена, когда основной заботой человека было прокормить себя, никто и не думал давать дичи хоть какую-то надежду на выживание: птиц стреляли прямо в гнезде, не давая взлететь. И если появлялась возможность убить одним выстрелом сразу дюжину, охотник ею всегда пользовался.

Но огнестрельное оружие совершенствовалось, и, в частности, после изобретения казнозарядного ружья появилось мнение, что легкая мишень – неподвижная утка в нашем случае – не столь уж желанная добыча и гораздо больше удовольствия можно получить, охотясь на летящих птиц. Лучше подстрелить одну такую утку, чем дюжину беззащитных.

С появлением спортивной стрельбы влет к нам пришли байки о выдающихся выстрелах, невероятных событиях, поразительных случайностях и настоящих чудесах.

В девятнадцатом веке территория Британской империи значительно расширилась, и истории со всего света потекли в Англию. В дни, когда охота регулярно освещалась в общенациональных газетах, эти истории вызвали колоссальный интерес читателей. Множество охотников в одночасье стали героями, рискующими жизнью где-то в глуши, чтобы заполнить опасного по тем временам зверя в качестве трофея.

Конечно же, в девятнадцатом веке было слабое представление об охране природы: повсеместно считалось, что мир бесконечно велик, – сколько ни стреляй, до угрозы исчезновения вида не дойдет. Сейчас мы, безусловно, знаем, что это не так, но все же подобные байки из далеких времен по-прежнему занимательны, и лучшие, самые примечательные из них собраны в этой книге. Большинство – из давно забытых книг, журналов, газет; часто о людях, чьи подвиги составляли основу книжных бестселлеров тех времен. Объединяет их страсть к неизведанному, к трудностям и испытаниям, пережитым впервые. Ведь только о них можно было с гордостью написать домой.

Примечания

Эти истории собирались на протяжении множества лет из самых различных источников, в основном из книг, журналов и газет. Я провел много приятных часов в Британской библиотеке, погрузившись в чтение редких томов. Случай также сыграл свою роль: выпуск газеты *The Newcastle Chronicle*, датированный первой половиной девятнадцатого века и случайно обнаруженный мной в ящике старого стола, подарил одну из историй; другая пришла из древней, замусоленной книги без обложки и титульной страницы; пару историй мне рассказали старшие друзья и коллеги.

Меня забавляет мысль, что несколько лучших баек появились благодаря Филипу Брауну, который, несмотря на долгую и успешную карьеру редактора журнала *The Shooting Times*, ни разу в жизни, собственно, не охотился.

1

Чудаки и сумасброды

Охота со священником

Шотландский пастор был заядлым охотником и отлично ладил с местным егерем, однако один из священнослужителей стал замечать, что последние несколько месяцев егерь перестал ходить на службу в церковь.

Дело было в 50-х годах прошлого века, а в те времена жители небольших поселений знали друг о друге все. Пастор посчитал своим долгом исправить это ужасное упущение. Встретив егеря по окончании охоты, он поинтересовался, что происходит.

– Видите ли, – ответил егерь. – Я не хожу в церковь, чтобы не огорчать вас и не мешать церковной службе.

– Как вас понимать? – удивился священник.

– Дело в следующем, – ответил егерь. – Если я пойду в церковь в воскресенье, об этом узнает весь приход. И они тут же займутся браконьерством, так как я для них – единственная преграда. Если же я не появлюсь в церкви, то ни один человек из деревни не отважится браконьерствовать и все как обычно пойдут на службу. Получается, если я вас послушаю, вы будете читать проповедь в пустой церкви, и это будет на моей совести!

С этими словами он отошел в сторонку и продолжил нагружать охотничью тележку. Пастор же был достаточно умен, чтобы понять, что его обвели вокруг пальца, и поспешно ретировался.

С аэроплана – по гусям

Стэнли Данкан, один из величайших охотников на пернатую дичь всех времен, стрелял уток и гусей вдоль всего побережья Норфолка и залива Уош и не только. Его увлечение граничило с одержимостью – уж если о ком и можно было сказать, что он посвятил свою жизнь охоте, то это, несомненно, о Стэнли. И жизнь эта подарила ему множество удивительных дней. Взять хотя бы один из самых ярких эпизодов, когда он помогал знакомому пилоту приспособить аэроплан для охоты на гуся.

Разведку Данкан провел очень тщательно. Излюбленное место гусей – поле неподалеку от пронизанного ветрами побережья Йоркшира – охотники не тревожили в течение нескольких недель, а лишь внимательно наблюдали за птицами.

Когда гуси на поле почувствовали себя в безопасности, пришло время воплощать задуманное в жизнь. Идея заключалась в следующем: аэроплан пролетит низко над изгородью по краю поля, где расположилась стая. Это не только заставит птиц взлететь, но и направит к противоположному концу поля, где их уже будут поджидать два стрелка.

Первая попытка обернулась провалом. Еще до того, как самолет появился над изгородью, гуси, встревоженные просто возмутительным шумом, взлетели и ушли резко влево, оставив охотников не у дел.

Пилот приземлился в нескольких милях от места действия, и охотники замерли в ожидании. Несколько часов спустя большая стая гусей прилетела на поле в поисках пищи. К этому времени разгулялся сильный ветер – возможно, по этой причине птицы не слышали шум двигателя аэроплана вплоть до той секунды, когда он, взревев, появился над изгородью. Это настолько ошеломило гусей, что, вместо того чтобы взлететь, они замерли на месте. И только выстрел одного из охотников напомнил им, что лучше все же немедленно убраться подальше с поля. Шумно взмахнув крыльями, гуси полетели по ветру, но из-за самолета вынуждены были держаться низко. Одни добрались до края изгороди, другие ухитрились набрать высоту как раз перед тем, как аэроплан, сделав резкий маневр, снова оказался над стаей, загоняя ее в сторону охотников, а стрельба из обоих стволов наконец увенчалась успехом.

Сей сложный и дорогостоящий эксперимент, хотя и был признан успешным, более не повторялся.

С высоты деревьев

Известны случаи, когда охотники настолько увлекались преследованием дичи, что теряли интерес ко всему остальному. Искусный охотник на голубей Арчи Коатс тому отличный пример: он провел большую часть своей зрелой жизни в засидках и скрадках на полях графства Гемпшир в ожидании серых птичек.

Но один охотник времен викторианской эпохи, похоже, превзошел даже Арчи Коатса в своей страсти. В отличие от Арчи, он не приманивал голубей на пшеничные и рапсовые поля. Наш викторианский стрелок, чьи похождения подробно описывались тогда в газетах, охотился на местах ночевки диких голубей. Не было для него милее занятия, чем, притаившись в сумерках в лесу, выжидать, пока птицы рассядутся на ночлег в верхушках деревьев. И было это настолько увлекательно и захватывающе, что он решил подобраться к ним поближе, желая поохотиться не с земли, а с высоты деревьев.

Для осуществления замысла охотник смастерил специальную платформу на опушке леса. На постройку тщательно продуманной деревянной конструкции, напоминавшей, скорее, опору линии электропередачи, ушли недели, после чего сооружение было прикрыто листвой для маскировки.

Стрелок выждал еще несколько недель, позволяя птицам привыкнуть к новой постройке, а затем вышел на первую вечернюю охоту. Поначалу он решил, что так стрелять гораздо увлекательнее, чем с земли, да и успехи были куда более значительными, чем обычно. Но постепенно птиц становилось все меньше и меньше, пока их количество не сократилось до минимума.

Охотник не тревожил лес пару недель, затем пропал на все лето, но, вернувшись осенью, обнаружил, что птицы по-прежнему не желают возвращаться. Он был сбит с толку и в конце концов оставил свои попытки, сосредоточившись на охоте с земли в других местах.

Прошло несколько лет, и охотник снова решил попробовать платформу в деле. Деревянная конструкция подгнила, и он серьезно рисковал, карабкаясь наверх. Когда же на лес опустились сумерки, ни одна птица не подлетела даже близко. И тогда он решил снести конструкцию.

Несколько недель спустя он снова охотился в том же лесу на закате и был просто поражен: столько голубей последний раз прилетало на это место задолго до постройки платформы.

Пострадавшая супруга

Миссис Дэвид Стэнхоуп сопровождала мужа в недельной поездке в Йоркшир, куда он направлялся поохотиться на куропаток. Супруг был просто в восторге и предвкушал успех, однако первый день охоты был настолько плох, что весь энтузиазм улетучился, уступив место депрессии.

Той ночью во сне он, казалось, подсознательно переживал все события ужасного дня. Он беспокойно метался в постели, выкрикивая: «Летит!», или «Черт побери это ружье!», или «Как же я мог промахнуться!».

Кошмар длился больше часа, но миссис Стэнхоуп не решалась будить супруга, полагая, что лучше ему самому смириться с неудачным началом охоты и забыть об этом. Однако следующий день едва ли был лучше, и муж стал еще более хмурым. За ужином он был молчалив и не притронулся к еде.

На вторую ночь крики и метания стали еще интенсивнее, и жена решила его разбудить. «Целься! – буквально заорал он. – Уходит!»

В итоге он проснулся, извинился и немедленно уснул вновь. Не прошло и пары минут, как гневные тирады возобновились.

На следующую ночь ситуация усугубилась: мистер Стэнхоуп начал драться во сне. Его перепуганной жене оставалось лишь уклоняться от ударов, и какое-то время у нее неплохо получалось уворачиваться от молотящих кулаков. Но все закончилось зверским ударом в глаз, в связи с чем перед миссис Стэнхоуп встал вынужденный выбор: либо покинуть отель, либо объяснить всем причину синяка под глазом. Она выбрала первый вариант и вернулась в Лондон утренним поездом, оставив мужа наедине со своими демонами.

Опасные опыты

Охотники всегда славились эксцентричностью, но пальму первенства, пожалуй, держат представители эдвардианской и викторианской эпох. Богатый землевладелец, регулярно писавший статьи для одного охотничьего журнала в конце 1880-х годов, поведал нам об одном из самых оригинальных охотничьих экспериментов в истории – насколько одежда из разной ткани может защитить человека от дробы!

Во время охоты в своем поместье он заметил, что шальные пули порой задевали его загонщиков. Если дробь просто падала сверху (под действием гравитационной силы после выстрела по высоко летящей птице), барабаня, как дождь, по спинам и головам загонщиков, она практически не причиняла им вреда, но если дробь ударяла с расстояния от ста до двухсот ярдов, да еще вследствие прямого выстрела, загонщики получали серьезные ранения.

Взяв на заметку эти наблюдения, землевладелец провел ряд опытов (совершенно безумных с современной точки зрения), в ходе которых оценил сравнительные достоинства одежды из различных типов ткани по критерию «защиты от выстрела».

К его чести стоит отметить, что эти опасные опыты проводились на нем самом, а не на загонщиках. Он надевал одежду из твида, грубого хлопка, вельвета и других тканей в различных комбинациях, а после просил друга стрелять по нему из оружия разного калибра с расстояния от 120 до 150 ярдов.

«Это было абсолютно безопасно, – рассказывал он редактору журнала, – я просил стрелять исключительно по ногам».

Спустя несколько дней и добрую дюжину выстрелов помещик получил массу мелких и неприятных ран, а также одно серьезное ранение с кровотечением. Однако он был восхищен собственным экспериментом и объявил, что несколько пар толстых вельветовых штанов при отсутствии кожаных являются, пожалуй, лучшей защитой от пуль.

Двое – это слишком

Король Георг V всегда носил бороду, поэтому сейчас может показаться, что жил он гораздо раньше своей исторической эпохи. Кроме того, из-за бороды он выглядел куда серьезнее, чем был в действительности. На самом же деле Георг V был большим оригиналом и очень любил розыгрыши.

Во время охоты в Сандрингеме, например, он настоял, чтобы оружие для него заряжал один из работников поместья, а не специально обученный слуга, который обычно этим занимался. В результате охота вышла беспорядочная и сумбурная, но было непохоже, чтобы короля это сильно беспокоило.

Через какое-то время друзья Георга V сообразили, почему именно этот человек теперь заряжает оружие для короля: они были похожи, как две капли воды. Работник поместья был того же роста и телосложения, что и король, но, что самое главное, он носил точно такую же бороду.

Вышло ли это случайно или намеренно, но мало-помалу они и одежду начали носить одинаковую. Поначалу только плащи были одного фасона, но затем последовали одинаковые штаны, обувь и чулки. Телосложение нового слуги короля было под стать его величеству, а в сочетании с похожей одеждой и, конечно же, бородой эффект был просто невероятный, что породило множество пересудов в то время.

Если бы Георг V был против такого очевидного сходства, он приказал бы своему слуге сбрить бороду. Но это, похоже, доставляло ему удовольствие, ведь на охоте ни гости, ни загонщики, ни прислуга не могли понять, кто есть кто. Да и работника это тоже только забавляло, особенно когда графы, герцоги и зарубежные главы государств обращались к нему невероятно почтительным образом.

Жизнь в окопах

Кровопролитные и губительные события Первой мировой войны всем хорошо известны, но на фоне кровавой человеческой бойни животные и птицы жили как ни в чем не бывало. Фазаны и куропатки мирно обитали вдоль всей линии Западного фронта, где британские, французские и немецкие солдаты гибли миллионами. Многие даже отмечали, что пернатая дичь численно увеличилась – возможно, по причине того, что все охотничьи забавы были отложены на время.

Птицы гнездились на поваленных деревьях прямо посреди нейтральной зоны и спокойно кормились на изрытой воронками от снарядов земле вблизи линии огня, а зайцы безмятежно обустроивали там норы. Звучит дико, но с точки зрения животных это было вполне приемлемо.

Пользуясь затишьем между боями, некоторые солдаты, увлекавшиеся охотой и в мирное время, пытались разнообразить свой рацион и охотились на попадавшихся время от времени птиц.

Среди офицеров того времени были очень популярны дробовики в виде трости, и как-то раз несколько офицеров совершили довольно удачную вылазку в поля, что были всего в нескольких сотнях ярдов от передовых траншей. Они подстрелили несколько фазанов и вдруг поняли, что немцы, услышав их выстрелы, решили, что в поле артиллерия, – и уже через несколько секунд воздух наполнился ревом снарядов, несущихся прямо на них. Пришлось поспешно ретироваться.

Еще один случай описывает в своих мемуарах лейтенант Гэлвэй Фоули. В тот день в 1916 году он слышал фазанов прямо возле передовых траншей противника. И, недолго думая, решил за ними отправиться. Гэлвэй Фоули и до этого охотился на фазанов и других птиц прямо в окопах и в близлежащих окрестностях, а потому знал что к чему: залогом успеха были короткие перебежки от воронки к воронке. Звучит это страшнее, чем, вероятно, было на самом деле, ведь попасть в быстро движущуюся мишень (лейтенанта в нашем случае) из оружия того времени можно было лишь при большой удаче.

Несмотря на несколько падений в старые воронки по пути, Гэлвэй быстро добрался до стаи фазанов, хорошенько прицелился и подстрелил одного. После чего спрятал птицу под одеждой и поспешил к себе в окопы, вернувшись как раз к завтраку.

Особенно много над окопами летало куропаток, но из ружья подстрелить их было непросто. В письмах домой Гэлвэй Фоули не раз жаловался, что ему ужасно не хватает дробовика в связи с этим, но вероятность того, что армейское руководство одобрит запрос на 12-калиберный дробовик, была весьма невелика.

Вообще Гэлвэй Фоули всегда держал ухо востро и не упускал возможности поохотиться в окопах. Однажды он отчетливо услышал характерный шум, который издавали гуси, направляясь в сторону немецких линий. Он тут же крикнул солдатам в передовых траншеях, чтобы те стреляли – вдруг да собьют парочку. Птицы пролетели в целости и сохранности, но, к изумлению Фоули, на подлете к немецким окопам были встречены такой же пальбой. Впрочем, с тем же успехом.

Утренние часы в окопах Гэлвэй Фоули часто посвящал охоте на крыс с револьвером. Судя по описаниям, взятым из его мемуаров, крысы по размеру были не меньше кота, поскольку питались до отвала телами солдат, оставленными на нейтральной земле.

История могла бы сложиться иначе...

Убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда было той искрой, которая разожгла Первую мировую войну. Однако малоизвестное происшествие в английском поместье, случившееся задолго до 1914 года, могло оборвать жизнь эрцгерцога и тем самым изменить ход истории.

Эрцгерцог гостил в поместье у 6-го герцога Портлендского – заядлого охотника, у которого были связи по всей Европе, благодаря чему он частенько принимал у себя иностранных глав государств. На свои охотничьи забавы он приглашал, как правило, не только иностранных принцев и монархов, но и лучших британских охотников. Поэтому не было ничего необычного в том, что среди гостей в день охоты в Портленде бывали и король Испании, и король Португалии Карлуш, и несколько английских герцогов и графов, и, конечно же, сам австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд. По всеобщему признанию, Франц Фердинанд оказался неплохим охотником и быстро приоровился стрелять высоко летящих птиц. Понаблюдав за ним несколько дней, герцог Портлендский нарек его «бесспорно равным среди друзей-охотников».

Во время охоты в декабре 1913 года эрцгерцогу выпал участок, покрытый глубоким снегом. Он пошел неплохо и набрал хороший темп, когда неожиданно один из его помощников поскользнулся и упал. Ружье выскользнуло из рук помощника, упало на землю и выпалило из обоих стволов. Пули просвистели всего в футах от головы эрцгерцога.

Без сомнений, Первая мировая война все равно бы случилась, но, кто знает, возможно, ее ход был бы иным, если бы эрцгерцог погиб в тот день в Англии, а не в Сараево немногим более года спустя.

Помешанный на охоте

Фредерик Кортни Селус – один из величайших охотников девятнадцатого и начала двадцатого века – почти всю свою сознательную жизнь провел в погоне за дичью в самых отдаленных уголках земли.

Селус родился в 1851 году и умер в 1917-м. Заниматься охотой он начал в возрасте шести лет. Кроме того, Селус страстно увлекался коллекционированием бабочек. Годы, проведенные в школе Рагби, были потрачены на охоту, сбор птичьих яиц и порку за пропущенные занятия.

Однажды он проделал путь в пятнадцать миль и взобрался на дерево высотой шестьдесят футов только для того, чтобы достать пару яиц цапли. В зимнее время он не раз переплывал полузамерзшее озеро, чтобы достать подстреленного гуся или утку. Но свои величайшие деяния Селус свершил в Африке. Например, именно там он однажды завалил двадцать два слона за день.

С охотой на слона была связана и одна из наиболее странных привычек великого охотника – снимать штаны при появлении зверя. Он ждал, пока слон окажется в пределах

выстрела, и только потом скидывал штаны. Никто так никогда и не узнал, зачем он это делал. Но метод, похоже, работал, поскольку промахивался Селус крайне редко. Его не сильно волновало качество оружия: когда однажды его лондонское ружье украли, он просто купил себе самодельное африканское ружье четвертого калибра и пользовался им. Это было ужасное оружие. Оно весило порядка 20 фунтов, каждую минуту грозило разорваться, но Селуса это не особенно заботило.

В своих многочисленных книгах об охоте Селус пел дифирамбы нескончаемому количеству дичи в Африке, хотя сам ел мало из того, что добывал. Его знаменитая диета состояла из жира лося, оленя или антилопы и очень крепкого чая.

В 1914 году в возрасте шестидесяти трех лет, прожив жизнь, полную приключений, Селус ушел на фронт. Он был убит в Восточной Африке, когда ему было шестьдесят пять, во время атаки на превосходящие силы противника.

Безумный шляпник

Лорд Уолсингэм был блестящим охотником и страстным энтомологом. Он коллекционировал птиц (некоторые были подстрелены и превращены в чучела по заказу Британского музея), бабочек, мотыльков, жуков и других насекомых. Он был частым гостем на болотах и топях Восточной Англии и, в частности, на Уикер Фен – болотистой местности, ныне являющейся государственным заповедником.

Будь то во время охоты или ловли насекомых, Уолсингэм был неизменно одет самым странным образом – в этом отношении он был, пожалуй, самым эксцентричным охотником викторианской эпохи. Он носил просторную куртку из кротового меха, жилетку из змеиной кожи и шляпу, сделанную из шкуры огромного ежа с настоящими иголками поверху. Уолсингэм сознательно надевал большие очки под стать шляпе для полноты картины.

Голова ежа располагалась как раз между глаз лорда, из-за чего шляпа скорее напоминала саксонский боевой шлем.

Крестьянская доля

Англичанин, гостивший в одном из известнейших старинных поместий Швеции, во время охоты заметил зайца, бегущего прямо на него, но решил не стрелять, так как загонщики были уже недалеко и он посчитал, что это будет небезопасно.

– Почему вы не стреляли? – удивился хозяин поместья.

– Загонщики были слишком близко, их могло задеть выстрелом, – последовал ответ.

– Не стоило волноваться по подобным пустякам, – сказал хозяин. – Крестьян в Швеции много, а вот зайцев мало.

Пары ртути

Один торговец сколотил состояние на торговле шляпами, когда они вошли в моду в эпоху королевы Виктории. Его небольшой магазинчик и фабрика в Лутоне в графстве Бедфордшир, который позднее стал столицей британской шляпной моды, существенно расширились, и джентльмен стал очень богат. Он начал скупать земельные участки, все больше и больше участков. Очень скоро его любимым увлечением стала охота, и торговец нанял нескольких опытных егерей, чтобы обеспечить себе наилучшие условия.

Он купил в Лондоне несколько ружей – самых лучших, которые только можно было купить, и дважды в неделю устраивал охоту. Во время первого сезона зажиточные друзья и соседи торговца были рады поохотиться с ним, однако его странное поведение постепенно отпугивало их одного за другим, и к концу сезона он охотился в одиночестве.

С точки зрения гостей, основной проблемой хозяина было то, что, каким бы дружелюбным и гостеприимным он ни был, он понятия не имел, как вести себя на охоте, и беспорядочно стрелял куда попало.

Он стрелял по птицам, летящим над головами других охотников, а также справа и слева от него, да и вообще палил куда вздумается. Одного этого уже было достаточно, так ведь он еще и бранился почем зря. Если попадал – ужасно сквернословил, но если мазал – было еще хуже. Гости оставались до конца охоты только из вежливости и с облегчением покидали его в конце дня. Никто больше не принимал его приглашений, и озадаченный торговец шляпами посчитал, что все просто заняты, и продолжил вылазки на охоту самостоятельно. С годами он становился все более эксцентричным, его жилище пришло в упадок, а те немногие, что к нему заходили, рассказывали, что он выносил мебель и картины на лужайку в любую погоду: в дождь он мог сидеть в кресле на лужайке, покуривая. А еще он развесил сотни шляп на деревьях и палил по ним.

Затем торговец шляпами стал привозить экзотических животных. Они жили в доме, входили и выходили по собственному усмотрению, поскольку дверь он не закрывал. На этом этапе от него и ушла домработница. Но он продолжил свои выходы: купил несколько обезьян, медведя и карликового бегемота, которые, впрочем, быстро околели. Как писали местные газеты, он даже снес часть дома, да так и оставил руины.

Он стрелял по птицам прямо из окна спальни, выкопал пруд на месте лужайки, а затем стрелял в каждую утку, что приближалась к воде.

Те немногие посетители, что все же бывали у него (включая почтальона), сообщали, что он был безмерно очарователен при встрече и часто зазывал проходящих мимо мальчишек порыбачить и пострелять кроликов в любое время. И все же эксцентричность торговца сыграла с ним злую шутку: полиция арестовала его, когда он бродил в одной пижаме и с ружьем в руках по ближайшей деревне.

Только когда дальний родственник переехал жить в дом и нанял сиделку, чтобы та приглядывала за пожилым джентльменом, люди вспомнили, что когда-то он был шляпным мастером. А шляпы в те времена делались с добавлением ртути. Даже небольшое количество ртути вызывает у человека неадекватное поведение, а чем больше ртути, тем более чудачватым становится человек. Стало быть, нашего эксцентричного охотника с полным на то основанием можно назвать «безумным шляпником».

Немного о кулинарии

К 1920 году английская аристократия наконец признала, что английская кухня просто ужасна. Во время этого гедонистического десятилетия, которое последовало за наполненными выраженным аскетизмом годами Первой мировой войны, состоятельные англичане делали все возможное, чтобы перенять континентальный кулинарный стиль. Чего греха таить, нравы французов все еще вызывали сомнения, но их кулинарные способности – совсем другое дело, и это признавали даже такие писатели, как П. Г. Вудхаус. В его романе «Фамильная честь Вустеров» Берти Вустер больше всего опасался, что французского повара его тетушки переманит к себе какой-нибудь другой аристократ.

В действительности эти опасения были, пожалуй, еще более явными. И вот один из лордов нашел новый способ осчастливить своего французского повара.

Вышеупомянутый лорд опубликовал статью в журнале *The Gentleman's Magazine*, в которой поведал, что ему удалось переманить повара из Франции, предложив тому возможность охотиться в его владениях весь сезон. Так уж вышло, что повар, как и многие его соплеменники, был просто одержим охотой, а его работодатель посулил ему лучшую охоту на фазана в Англии. Приманка оказалась слишком соблазнительной для бедного француза, и он отказался от гораздо более высокооплачиваемой работы, лишь бы попасть на эту хваленую охоту.

И несмотря на то что знатных гостей лорда немного коробила мысль об охоте в компании с представителем более низкого сословия, сам лорд был глух к их сетованиям. «Да будь он хоть из самых низов, мне все равно, – отвечал им лорд. – Он готовит как бог и пусть хоть всех этих фазанов перестреляет, лишь бы готовил для меня!»

Посиделки

Много известных охотничьих баек окружают эксцентричного виконта Массеран-Феррара – владельца великолепного охотничьего имения в ирландском графстве Антрим.

Благородный лорд заметил, что с возрастом его охотничий азарт ослабевает, зато страстие к алкогольным напиткам набирает силу. Несмотря на это, он все еще с интересом занимался организацией охоты в своем имении. С самого утра первым делом он распоряжался, чтобы на лужайку прямо напротив дома слуги выносили стол и кресло. Там он и восседал перед шеренгой бутылок с его любимыми напитками: джином, бренди, ромом и виски. Перед тем как занять свои позиции, загонщики собирались у его стола, где слуга вручал каждому из них листок бумаги с номером.

Затем Массеран подзывал загонщиков к себе по номерам:

– Номер один. Что будешь?

– Что пожелает ваша светлость, – обычно отвечал загонщик.

– Тогда бренди, – сообщал его светлость.

После чего Массеран брал бутылку бренди, наливал в стакан и сам же выпивал!

– А это тебе, – говорил он, наполняя другой стакан и протягивая его загонщику.

Затем процедура повторялась до тех пор, пока лорд не выпьет за всех загонщиков. Самым удивительным было то, что ко времени, когда загонщики, расправившись с напитками, отправлялись на места, лорд Массеран все еще был способен (как правило) дойти до дома без посторонней помощи.

Слишком громко

Загонная охота была особенно распространена в Англии в эдвардианскую и викторианскую эпохи. На большой охоте запросто отстреливалось тысячи полторы патронов, из-за чего многие охотники глохли. Некоторые, заметив, что теряют слух, отказывались от своего увлечения. Другие стойко держались, но старались по возможности избегать самой пальбы.

Сэр Эдвард Гиннесс не раз подкупал егерей, чтобы получить худшую позицию – ту, над которой едва ли полетит птица, а значит, не будет и громких выстрелов. Сэр Эдвард любил социальный аспект охоты и был не прочь просто стоять в готовности где-нибудь в лощине или на опушке леса. Подкупленные егеря, конечно же, считали его просто сумасшедшим.

Держитесь подальше!

Эксцентричный полковник Джордж Хэнгар, живший во времена королевы Виктории, питал слабость к охоте и устраивал грандиозные загоны на фазанов, однако не позволял никому охотиться вместе с ним. Он настолько помешался на том, чтобы все фазаны доставались только ему, что изобрел сразу несколько способов, позволявших и близко никого (в частности, браконьеров) не подпускать.

Он поставил несколько тяжелых пушек вдоль парапета своего особняка, с которого открывался вид на лес. Хэнгар использовал специально отлитые и наполненные бисером ядра из глины и палил из пушек при малейшем намеке на опасность. Характерные звуки при разрыве ядра и бисер, разлетающийся во все стороны, были способны привести в ужас любого гипотетического браконьера.

Его егеря и загонщики жили в постоянном страхе из-за безрассудных хозяйских выходов, особенно старший егерь, первый этаж дома которого был построен без окон и дверей.

Считалось, что это должно уберечь егеря от мстительных браконьеров. Что думал сам егерь о необходимости жить в доме, попасть в который можно было только при помощи лестницы, история умалчивает.

В комнаты, окруженные низкими стенами без окон, попадал лишь тусклый свет, падающий из расположенных под разными углами окон второго этажа здания. Задумка была следующая: забравшись по лестнице, старший егерь затягивал ее на ночь за собой, и любому браконьеру пришлось бы пробиваться через стены, чтобы добраться до него.

Проход через крышу давал егерю возможность попасть на 30-футовую башню, увенчанную одной из фирменных пушек Хэнгара.

Защитные штаны

Техника безопасности на охоте – понятие относительно новое. Современные охотники просто в шоке от выходов, которые позволяли себе их предшественники, крайне беспечно обращавшиеся с оружием.

Случай, произошедший в 60-х годах позапрошлого века в небольшом охотничьем имении в Эссексе, может служить отличным примером того, как неудачно все может сложиться на охоте.

Выстроившись в линию неподалеку от одиноко стоящего домика с небольшим садом, охотники постреливали по пролетающим мимо птицам, когда ближайший к дому охотник ни с того ни с сего пальнул по одной, летящей особенно низко. Вслед за выстрелом тут же раздался крик из сада:

– Ай! Ты подстрелил меня, мерзавец!

Незадачливый охотник побледнел и бросился к дому. Через забор он увидел старика, ковыляющего в его сторону. Оказалось, что тот, наклонившись, ухаживал за клумбами, когда его мягкое место прошила дробь. Старик был скорее возмущен, нежели ранен, и бранился на чем свет стоит.

Когда охотники оглядели его штаны из рубчатого вельвета, то обнаружили несколько дюжин дробинок, расплюснутых о грубый хлопок: оказалось, что эти невероятно плотные штаны как броня защитили старика от серьезного ранения.

Провинившийся охотник с облегчением вручил старику гинею и пообещал впредь никогда не стрелять вблизи жилья.

Воздушный шар

Братья Монгольфье первыми изобрели способ путешествовать по воздуху высоко над землей. Их первый шар поднялся в воздух в июне 1783 года, и уже на следующий день о братьях говорила вся Европа.

На охоте уже давно использовали воздушных змеев, чтобы загонять птицу на охотника, но проницательный француз Анри Шасто де Бальон сразу сообразил, что воздушный шар способен сделать и без того увлекательное занятие еще более захватывающим. В своем огромном имении он давно пытался перенять охотничьи традиции англичан, в частности, их манеру загонять фазанов на охотников. И этот способ был хорош, но де Бальон всегда искал что-то новое. Он испробовал всевозможные варианты сочетаний дроби и пороха, экспериментировал с различными калибрами, у него даже было несколько ружей, сделанных на заказ по его собственным эскизам, – так он пытался создать идеальное охотничье оружие. Он испытывал ружья 6, 8, 16 и 20-го калибров, дробовики всех возможных размеров, но все было немного не то, хотя у него и не было какой-то конкретной цели. Он хотел оружие одновременно легкое и эффективное, мощное и элегантное, с которым можно пойти и на воробья, и на носорога. Осознав, что поиски идеального оружия провалились, он решил, что дело не в оружии, а в окружающей обстановке, в которой оно используется.

Когда до де Бальона дошла молва об экспериментах братьев Монгольфье с тепловым аэростатом, он был очень впечатлен. И решил построить собственный воздушный шар. Сначала он пытался использовать шкуры крупного рогатого скота и уничтожил половину своего премированного стада, чтобы заготовить достаточно шкур. Шкуры были аккуратно сшиты в единое полотно, но его вес оказался слишком велик, и шар не поднялся в воздух. Затем он попробовал сделать шар из бумаги, но тот вышел непрочным и быстро порвался. Для следующей попытки де Бальон выбрал лучшую ткань, да еще и обтянул ее поверху сеткой, чтобы сохранить форму. И у него получилось: воздушный шар поднялся на высоту около трехсот футов. К нему были привязаны канаты, и, когда топливо выгорело, шар медленно опустился на землю.

В каждый из последующих десяти дней де Бальон заливал топливо, давал слугам указание держать канаты и мягко поднимался в небо. Поднявшись до уровня самых высоких деревьев, он подавал знак слугам, и те закрепляли канаты. Затем он садился, выжидал и время от времени стрелял по пролетающим мимо птицам. Как рассказывал он позднее, это было лучшее развлечение в его жизни. Но спустя один-два сезона эффект новизны пропал, и шар, отнявший столько сил, был заброшен в дальний угол сарая, где постепенно и развалился.

В одной сорочке

Джон Миттон, землевладелец из графства Шропшир, живший в восемнадцатом веке, был одним из самых великих и безумных охотников в истории. Несмотря на то что он занимал высокую должность (старший шериф графства Шропшир), а также несколько лет был членом парламента от Шрусбери, Миттон любил пострелять, поохотиться, обожал розыгрыши и опасные авантюры.

Он был заядлый охотник: бывало, зимой подхватывался с постели среди ночи и абсолютно голый отправлялся через поле к озеру. Постреляв там часик, он возвращался в постель, но, быстро заскучав, снова шел к озеру.

На публичную охоту он надевал полотняную сорочку и изящные парадные туфли – никаких шляп или курток. Его никогда не смущало отсутствие нижнего белья.

Среди местных жителей Миттон был весьма популярен: разъезжая по округе в своем экипаже, он швырял из окна монеты, да так щедро, что, как только по округе разносилась весть о грядущей поездке, на дорогах выстраивались вереницы полных надежд горожан. Зачастую он въезжал прямо в забор, снося его напрочь, и разбивал экипаж вдребезги. Он утверждал, что выпивал по меньшей мере четыре бутылки портвейна в день на протяжении всей взрослой жизни. При этом, как рассказывали его современники, будучи всегда во хмелю, он оставался отличным стрелком. Помимо прочего, Миттон кусал лошадей, которые по каким-либо причинам ему не нравились, катался верхом на домашнем медведе у себя в саду и заключал нелепые, немислимые пари. Он умер в возрасте всего тридцати восьми лет, разорив собственное имение и спустив состояние в 20 миллионов фунтов в пересчете на сегодняшний день.

2 Золотой век

Долгая прогулка

За всю свою охотничью жизнь, которая завершилась в 1840 году, лорд Малмсбери прошел в общей сложности 36 200 миль, что эквивалентно приблизительно полутора окружностям земного шара, а общее количество дичи, по его подсчетам, равнялось 38 934.

Для этого ему потребовалось 54 987 выстрелов. Примечательными являются не столько цифры, сколько сам факт того, что он потрудился произвести подобные подсчеты. Впрочем, наши предки-охотники, жившие в викторианскую эпоху, были в высшей степени щепетильны касательно ведения учета.

Малмсбери был всего лишь одним из плеяды выдающихся охотников-аристократов XIX века. Одни славились числом выстрелов, другие – мастерством. Лорд Уолсингем и лорд Рипон, например, были величайшими стрелками всех времен и отличались незаурядным мастерством, достигнутым благодаря постоянной практике. Эдвардианская и викторианская эпохи принесли в Англию моду на охоту за высоко летящими птицами, что, в свою очередь, породило множество замечательных стрелков.

Говорят, лорд Уолсингем однажды подстрелил за день 1070 куропаток, и для этого ему понадобилось всего лишь 1510 патронов. Дважды он поразил одним выстрелом сразу трех птиц. Он использовал три ружья и трех помощников: двое слуг заряжали оружие, а один носил патроны. А как-то в январе 1889 года Уолсингем поставил рекорд по количеству разнообразной дичи, подстреленной за один день: 39 фазанов, 6 куропаток, 23 кряквы, 6 серых уток, 4 нырковые утки, 1 гоголь, 7 чирков, 3 лебедя, лесной кулик, 3 бекаса, дикий голубь, 2 цапли, 65 лысух, 2 камышницы, 9 зайцев, 16 кроликов, выдра, щука (подстреленная на мелководье) и крыса.

Красный Кардиган

Джеймс Томас Бранднелл, 7-й граф Кардиган, в 1854 году возглавил «легкую бригаду» в сражении под Балаклавой в Крымскую войну. Его невежество и решение направить легкую кавалерию против русской артиллерии обернулись гибелью и тяжелыми ранениями для 250 из 637 солдат.

Кардиган также изобрел предмет одежды, который до сих пор носит его имя. Помимо прочего, граф славился своим высокомерием. Он терпеть не мог ошибаться и был абсолютно уверен в своих способностях. Бранднелл выходил из себя, если на охоте егерям не удавалось обеспечить ему высоко летящую пернатую дичь вне зависимости от погоды. Но, несмотря на свой неистовый характер и богатство, временами и он терпел неудачи.

Однажды январским днем 1850 года Кардиган охотился в лесу и решил, что птиц слишком мало. Будучи абсолютно уверенным, что знает, как решить эту проблему, куда лучше своего егеря, он подозвал беднягу и, указав на отдаленный подлесок, приказал:

– Загоняй птиц оттуда!

Егеря попытался возразить, но его светлость и слушать не хотел:

– Немедленно!

Егерю с загонщиками ничего не оставалось, как последовать приказу. В итоге множество птиц полетело в сторону графа, и Кардиган остался доволен.

Вечером того же дня в кругу друзей-охотников он с удовольствием указал егерю на его неправоту.

Егеря, выслушав бахвальство хозяина до конца, тихо сказал:

– Мой господин! Я сомневался в вашем решении лишь потому, что лес, на который вы указывали, вовсе не ваш. Он соседский!

Рекорды

Сегодня мы неодобрительно относимся к охоте загоном и отстрелу большого количества дичи, предпочитая стрелять лишь хорошую птицу, пусть и в небольшом количестве. Но в прошлом было модно ставить подобные рекорды. На сегодняшний момент самое большое количество дичи в Британии за день было подстрелено 18 декабря 1913 года в поместье Хол Барн города Биконсфилд, что в графстве Бакингемшир.

Король Георг V, принц Уэльский, лорд Чарльз Фицморрис, лорд Илчестер, лорд Далхаузи, лорд Герберт Ван-Темпест и Г. Стоноу подстрелили 3937 фазанов, 3 куропатки, 4 кролика и еще кого-то (возможно, голубя), что в общей сложности дало цифру 3945.

Еще одна примечательная охота была в Вотер Прайори, что в графстве Йоркшир, в Золотой долине 5 декабря 1909 года, когда девять охотников (сплошь графы да герцоги) добыли 4460 единиц дичи: 3824 фазана, 15 куропаток, 526 зайцев, 92 кролика и еще 3 птицы. На следующий день эта же команда еще до обеда подстрелила 3000 фазанов, но шквальный ветер вынудил их прекратить охоту.

Если выйти за пределы Великобритании, стоит упомянуть охоту, организованную в венгерском поместье в Тотмейр графом Луисом Каройи, где результатом стали 6125 фазанов, 150 зайцев и 50 куропаток.

Почти 7000 кроликов принесла охота 7 октября 1898 года в имении Бленхейм, что в графстве Оксфордшир.

На полстолетия ранее, 26 октября 1826 года, в местечке Уитлси в графстве Кембриджшир полковник Питер Хокер настрелял с плоскодонки 504 скворца и потратил около 2 фунтов дроби. Хокер настаивал, что за свою жизнь он подстрелил около трех миллионов голов дичи – несомненное и явное преувеличение. Однако реальная цифра (примерно от восемнадцати до двадцати тысяч) все равно огромна по современным стандартам.

Редкая птица

Лорд Пембрук на протяжении долгого времени организовывал охоту для состоятельных людей и знати в своем поместье Уилтон-хаус. В конце девятнадцатого века у него «с понедельника на четверг» зачастую оказывались даже главы иностранных государств в дополнение к уже привычным графам и герцогам, а однажды он даже принимал посла Германии.

Посол не очень разбирался в особенностях загонной охоты, зато слыл неплохим стрелком. Однако с первого же загона стало ясно, что с техникой безопасности и охотничьим этикетом у посла беда: он стрелял по низко летящим птицам, по секторам своих соседей, навскидку по очень далеким птицам, а также продолжал пальбу, когда загонщики появлялись в зоне видимости.

Лорд Пембрук был просто в ужасе. Дальше – хуже: посол стрелял все более бездумно и в итоге задел нескольких загонщиков, двух других охотников и собаку. К счастью, серьезно никто не пострадал, но посол в своей беспечности и не подозревал, что делает что-то не так.

Вечером гости лорда заявили, что не будут участвовать в охоте на следующий день, если там будет посол.

Но как избавиться от посла, не оскорбив его и не спровоцировав дипломатический скандал? Пембрук знал ответ. Посол заинтересовался чучелом дрофы, что было выставлено на обозрение под стеклом в вестибюле. Дрофа уже давно не водилась в этой местности, но лорд Пембрук любезно предложил послу поохотиться на нее. Подобная перспектива очень обрадовала посла, несмотря на то что охотиться на дрофу нужно было в одиночку – согласно английским традициям, как уверял лорд.

Поутру на тяжело нагруженной лошадке посол отбыл в направлении равнины Солсбери. Тем временем остальные гости замечательно провели день на охоте.

По возвращении домой Пембрук застал посла в крайне подавленном настроении.

– У меня был ужасный день, – пожаловался посол. – Я отмотал много миль по грязной, пустынной местности, и что я получил? Всего три чертовых дрофы!

Монетки в воздухе

Трюки со стрельбой были очень популярны в викторианскую эпоху. Выстрелы через плечо и между ног вызывали восторг, набирала популярность стендовая стрельба, и все это подогревалось известиями о мастерстве американских стрелков (взять хотя знаменитую Энни Оукли), что долетали через Атлантический океан.

Полковник Питер Хокер обожал стрельбу во всех ее проявлениях. Однажды он посетил поместье лорда Портсмута, прослышав о необыкновенных стрелковых трюках местного егеря.

Мистер Форд – тот самый егерь – обладал незаурядными способностями: он клал заряженное ружье на землю, подбрасывал две пенсовые монетки в воздух и, быстро подобрав ружье, выстрелом из каждого ствола сбивал обе до того, как они упадут на землю.

Хокер тщетно пытался повторить трюк, в конце концов признав, что никогда не видел стрелка, что мог бы сравниться с мистером Фордом в скорости и точности.

Худший в мире стрелок

6-й герцог Девонширский был известен своим богатством, родовитым происхождением и просто ужасной меткостью!

Поговаривали, что он скорее попадет в цель, если намеренно постарается промахнуться. Однако герцог был большим оптимистом и, несмотря на то что у него ничего не получалось, продолжал попытки.

Не раз он бывал в шаге от трагедии, особенно однажды, когда умудрился одним выстрелом ранить фазана, собаку, что бросилась за птицей, слугу и случайного зеваку. Друзья поддерживали его несмотря ни на что, и когда в каньоне Кресвел-Крэгс он все-таки попал в высоко летящую куропатку, за этим последовали бурные овации. Его светлость был немного озадачен, поскольку целился-то он в фазана!

Тяжкая ноша

Одно из величайших наслаждений во время традиционной охоты – обеденная трапеза, ведь для многих это – возможность поболтать, посплетничать о друзьях и их похождениях.

Лорд Алвенли и лорд де Рос были закадычными друзьями-охотниками, неисправимыми сплетниками и любителями розыгрышей. Если какой-то розыгрыш удавался, он становился предметом обсуждения за трапезой на месяцы, а то и годы вперед. Вдобавок оба были заядлыми спорщиками и держали пари по поводу и без.

Как-то во время охоты на пересеченной местности де Росу пришла в голову мысль, что будет забавно, если домой каждый из них понесет ту дичь, которую подстрелит напарник. Немногим позже ему попался на глаза осел, и он без раздумий пристрелил его. Реакция лорда Алвенли, к сожалению, неизвестна!

Коварные загонщики

Загонщики – это невоспетые герои охоты загоном, к которым следует относиться с должным уважением. Но в викторианской Англии их часто игнорировали или относились к ним как к низшим существам. В конце концов, возмездие свершилось. В некоторых угодьях загонщики традиционно носили белые холщовые плащи, подобные тем, что носили пастухи в восемнадцатом веке. На одной из охот хозяин решил, что на спине каждого загонщика нужно написать черным цветом буквы от «А» до «Я», чтобы было проще их различать.

По понятным причинам загонщики почувствовали себя униженными и начали недовольно ворчать. Но устроить открытый бунт было невозможно, и тогда они решились на то, что сегодня мы называем пассивным сопротивлением. Самым ярким событием охоты стала обеденная трапеза, когда охотники и их жены расположились прямо на лужайке перед домом. Загонщики сидели немного поодаль, спинами к господам, как вдруг один из охотников заметил, что, как будто случайно, буквы на белых спинах сложились в очень неприличные слова. Хозяин тут же распорядился убрать буквы.

Браконьерская смекалка

Оленина всегда стоила больших денег, поэтому неудивительно, что браконьеры рыскали по горам Шотландии в поисках оленя, а патрулировать такую огромную и труднодоступную территорию было очень сложно. Но однажды егерям повезло.

Группа егерей увидела, как внезапно упал стоявший вдалеке олень. Затем донесся звук выстрела. Для охоты был не сезон, и егеря, не мешкая, бросились к месту, где видели оленя, и затаились там. Шли минуты, затем часы, но никто так и не пришел за тушей.

Стемнело, но егеря и не думали уходить. Они организовали дежурство по сменам, чтобы можно было поспать. Двое из них засели на ближайшей тропе.

В свете почти полной луны они продолжали караулить, но лишь с первыми лучами рассвета увидели приближающуюся издалека фигуру.

Когда до оленя оставалось шестьдесят-семьдесят футов, стало твориться что-то странное. Человек остановился, начал поднимать с земли большие камни и швырять их в тушу. Камни градом начали сыпаться вокруг, оставалось лишь дождаться, пока заденет кого-то из егерей. Так и произошло. Камень лишь слегка задел одного из егерей, но и этого было достаточно, чтобы тот вскрикнул, – и браконьер тут же со всех ног бросился наутек в противоположном направлении.

Егеря, выпрыгнув из засады, устремились вдогонку, но через несколько сотен ярдов браконьер исчез в непроходимом кустарнике, и его преследователи поняли, что уже никогда не найдут его.

Они медленно поплелись назад, утешая себя тем, что хотя бы помешали браконьеру забрать добычу. Представьте их ужас, когда они обнаружили, что олень исчез! Браконьер просто отвлекал их, давая подельникам возможность забрать тушу.

Фальсификатор

Чарльз Уотертон (1782–1865) был одним из самых эксцентричных британских землевладельцев. В молодости он много путешествовал по Южной Африке и, поговаривали, охотился на кайманов, зажав нож в зубах и прыгая им на спину.

По возвращении в Англию Уотертон унаследовал громадное семейное поместье в графстве Йоркшир и, не мешкая, обнес его высокой стеной протяженностью более десяти миль, которая обошлась ему так дорого, что он почти обанкротился.

Он был заядлым охотником, но стрельба по фазанам и зайцам больше не приносила ему удовольствия. Вместо этого Чарльз начал охотиться на крыс – это было единственное животное, которое он недолюбливал.

Еще он скупал у местного населения ежей и зайцев и отпускал их на волю в своих владениях. Чарльз проводил много времени на деревьях (особенно в летний период), пытаясь приручить певчих птиц и подкармливая их с руки.

Когда в его земли повадились ходить браконьеры, Чарльз Уотертон стал по ночам обходить свои владения, время от времени стреляя в воздух, чтобы отпугнуть непрошенных гостей. Это не сильно помогло, и тогда он смастерил из фанеры сотни фазанов и закрепил их на деревьях по всему поместью. Поскольку браконьеры всегда приходили по ночам и выискивали силуэты птиц на фоне темного неба, фанерные чучела вводили их в заблуждение и вынуждали тратить слишком много дрови. Из-за этого браконьеры быстро сдались и прекратили свои набеги, а Уотертон продолжил охотиться на крыс и лазить по деревьям.

Помимо прочего, Чарльз Уотертон был выдающийся таксидермист. Он внес большой вклад в развитие этого искусства, но, возможно, чрезмерное использование опасных химических веществ привело к тому, что его поведение со временем становилось все более странным. Когда приходили гости – а чем старше становился Чарльз, тем меньше их было, – он свешивался вниз головой с двери и таким манером с ними разговаривал. Ночью он спал на полу, положив под голову деревянную подушку, а его одежда стала настолько потрепанной, что временами его принимали за бродягу и бросали ему мелочь. Впрочем, эти случаи лишь забавляли Чарльза.

Высший класс

Король Чехии Габсбург Карел, охотясь как-то у себя в имении Жидлоховице чуть более столетия назад, за один день, как говорят, подстрелил 833 фазана.

В те далекие дни, еще до изобретения помпового и магазинного ружей, он достиг такого выдающегося результата только при помощи команды из трех опытных человек, которые заряжали ему ружья. Даже если предположить, что мастерство стрельбы короля было на уровне выше среднего, то, чтобы добыть такое количество дичи, ему, должно быть, понадобилось как минимум 15 000 патронов.

Цыплята

В 1963 году лорд Хьюм из Хирсела отказался от своих многочисленных титулов (включая титул графа) и, чтобы стать премьер-министром, сделался просто сэром Алек Дуглас-Хьюмом. Он занимал несколько высоких постов до того, как стать премьер-министром, и никогда не терял интереса к общественной жизни. Кроме того, за годы, проведенные в палате общин и палате лордов, он никогда не забывал о рыбалке и охоте, особенно в своем родовом поместье Хирсел на границе с Шотландией.

Хьюм обожал охотничьи байки, а его любимой была история о том, как в его поместье приезжал один невероятно увлеченный стрелок.

Когда он приехал, Хьюм вежливо поинтересовался, желает ли гость поохотиться на куропатку. Гость был в восторге от предложения, однако признался, что у него совсем нет опыта и он ничего не знает о куропатках. Более всего его интересовал размер куропаток, так как, по его словам, ему хотелось поохотиться на что-нибудь существенное.

На следующее утро Хьюм, как и полагается радушному хозяину, предоставил гостю самую лучшую позицию на болотах – ту самую, через которую обычно и летели все птицы. Было прекрасное утро, и Хьюм, расположившийся на своей позиции чуть поодаль, был уверен, что у всех охотников дела идут замечательно.

За обедом он мягко поинтересовался, все ли понравилось гостю.

– Было не во что стрелять, – пожаловался гость. – Пролетали только какие-то небольшие птички, по виду – цыплята.

Стало очевидно, что для этого охотника размер действительно имел значение.

Кто лучше?

Томми де Грей, будущий 6-й лорд Уолсингем, живший в викторианскую эпоху, обожал охоту до безумия. Он и его друг и соперник лорд де Грей состязались за звание лучшего стрелка практически всю свою жизнь.

Уолсингем бахвалился, что однажды на болотах Блабберхаузес в графстве Йоркшир он подстрелил более тысячи куропаток. Это отчасти было возможно благодаря тому, что сама местность напоминала песочные часы, а Уолсингем расположился как раз в самой узкой части, так что все птицы полетели через него. Но ведь нужно было еще в них попасть, и мало кто стал бы оспаривать блеск, с которым это было сделано.

Помимо прочего, Уолсингем удивительно быстро стрелял, особенно из казнозарядных ружей. Но даже с дульнозарядными ружьями и порохом он управлялся быстро – конечно, при условии, что с ним были его проверенные помощники.

Во времена, когда дульнозарядники и порох все еще были в ходу, Уолсингем и де Грей часто охотились вместе. Однажды де Грей стал свидетелем интересного происшествия: Уолсингем, как обычно, стрелял с высокой скоростью, как вдруг загорелся, да так, что на какое-то мгновение стал похож на горящий факел! Но продолжал стрелять, как будто ничего не произошло.

Оказалось, Уолсингем просыпал немного пороха на приклад своего ружья, что и стало причиной возгорания. Каким-то образом порох загорелся в ту самую секунду, когда лорд приложил приклад к плечу. И хотя со стороны казалось, будто его светлость был на мгновение объят огнем, на деле он получил лишь незначительный ожог.

Скоростная стрельба

Один пожилой и весьма эксцентричный йоркширский землевладелец стал весьма нелюдим с возрастом. Члены семьи перестали навещать его, так как он был с ними довольно груб. У него совсем не было друзей, но он, казалось, наслаждался одиночеством. Он владел несколькими тысячами акров земли с лесами, полными дичи, и рекой, кишашей форелью.

С годами он перестал заниматься земледелием, полагаясь лишь на значительные инвестиции. Но его страсть к охоте и рыбной ловле проявлялась все больше, и землевладелец проводил дни напролет, блуждая по полям с ружьем наготове, либо у реки, вылавливая форель и хариуса.

Его егеря – один из немногих, с кем он разговаривал, – позже рассказывал, что в последние годы поведение пожилого хозяина стало совсем странным. Летом он настаивал на рыбалке голышом, а в сезон охоты приказывал слугам заряжать дюжину ружей и выкладывать их в ряд на специально построенной подставке. Затем отдавал команду загонщикам начинать и, когда появлялись птицы, бросался к одному из ружей, стрелял, швырял его на землю и бросался к следующему. Выстрелив из всех двенадцати, он громко свистел, и загонщики останавливались, ожидая, пока ружья не будут перезаряжены и охота продолжится.

В течение всего этого диковинного действия пожилой землевладелец тихо бранился себе под нос, а в конце дня, подстрелив порядка ста фазанов, приказывал егерю их не трогать и оставить гнить, где упали, так как вкус, да и сам вид фазанов вызывал у него отвращение.

На оленя

Выслеживание крупной дичи – занятие, куда более подходящее королю, нежели охота на фазана или куропатку.

Чарльз Сент-Джон, охотник и писатель, живший в викторианскую эпоху в Англии, за свою жизнь подстрелил сотни оленей. И вот одним осенним утром, полный уверенности в себе, он отправился выслеживать особенно великолепную особь. Как и все охотники, он прекрасно знал, что самое сложное – подкрасться достаточно близко для выстрела, не спугнув животное.

Как ему казалось, прошли часы, и наконец Сент-Джон занял удобную позицию для выстрела. Видны были только голова и шея оленя, поэтому выстрел предстоял не из легких. Но Сент-Джон спустил курок, и олень рухнул на землю – только для того, чтобы тут же вскочить и броситься наутек.

Чарльз бросился за ним. Животное, пошатываясь, взобралось немного вверх по холму, но затем развернулось и пошло прямо на Сент-Джона. Дойдя до ручья, что теперь отделял его от охотника, олень снова упал. Решив, что зверь мертв, Чарльз уже собрался вытаскивать его из ручья, как вдруг олень ожил и яростно бросился на изумленного охотника. Удар сбил Чарльза с ног, а олень еще и попытался затоптать его. Удар по голове был настолько сильным, что некоторое время Сент-Джон был без сознания. Он выронил ружье, и теперь единствен-

ной возможностью спастись было забраться на крутой берег ручья. Чарльз начал судорожно карабкаться вверх, оставляя разъяренного оленя всего в нескольких футах позади. За этим последовало несколько забавных мгновений, когда охотник и зверь просто смотрели друг на друга через ручей. Ни один из них не двигался, и Сент-Джон понял: если он не прикончит оленя в ближайшее время, то зверь, вероятно, покалечит его, а может, и вовсе убьет. Нужно было что-то предпринять.

Тартановая накидка была все еще на нем, и, едва ли успев обдумать решение, Чарльз прыгнул на спину оленю и набросил накидку ему на голову. Ноги оленя подогнулись под весом, но, справившись, он стал брыкаться, пытаясь сбросить охотника, отчаянно цепляющегося за свою жизнь. Сент-Джон признался позже, что ему было настолько жалко бедное животное и так стыдно за свой неудачный выстрел, что он почти уже решил сдаться.

Тем временем олень, казалось, ничуть не устал, и последнее, что запомнил Чарльз, был мощный толчок и последовавшее за ним падение. Очнувшись несколько минут спустя, Чарльз обнаружил, что лежит на земле, отделавшись всего несколькими царапинами и синяками. Олень, теперь-то уж наверняка мертвый, лежал всего в нескольких ярдах от него.

Чаевые егерю

Столетие тому назад в прессе было достаточно споров о деликатном вопросе чаевых для егерей и загонщиков больших (и не очень) поместий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.